

**Что ситуацию определяет как ситуацию развития?
Что среду делает образовательной средой?
(Панельная дискуссия)**

Участники: Анатолий Георгиевич Каспржак, Сергей Николаевич Ким, Михаил Владимирович Кларин, Татьяна Михайловна Ковалева, Александр Анатольевич Попов, Евгений Федорович Сабуров, Павел Аркадьевич Сергоманов, Исаак Давидович Фрумин, Борис Даниилович Эльконин.

Ведущий: Вячеслав Владимирович Башев.

Вячеслав Башев: Вот уже несколько лет мы начинаем нашу конференцию панельной дискуссией. Основные задачи панельной дискуссии – это фактически задать тон конференции, положить базовые гипотезы, которые мы будем обсуждать на конференции; и от того, как будет выстроена панельная дискуссия, зависит некоторая стройность, целостность конференции. Очень важно в конце конференции, подведя итоги, определить, на сколько оправданы эти гипотезы, на сколько поставленные вопросы точны, и получили ли мы какие-то ответы на поставленные вопросы.

Тема сегодняшней панельной дискуссии звучит в виде двух вопросов. Первый вопрос: «Что ситуацию определяет как ситуацию развития?», и второй вопрос: «Что среду делает образовательной средой?». Я уже говорил в самом начале, что фактически эту конференцию мы посвящаем обсуждению базового понятия психологии развития «социальная ситуация развития». Я напомним, что этот термин был введен в психологию Львом Семеновичем Выготским, и он понимал социальную ситуацию развития как совершенно уникальные отношения между ребенком и средой, его окружающей. Нам важно на этой конференции, на этой панельной дискуссии, которая сейчас случится, напомним и конкретизировать это представление Выготского, привести некоторые примеры. И, я обращаюсь к участникам панельной дискуссии: когда вы будете выкладывать свои позиции, пожалуйста, было бы очень здорово, если бы вы иллюстрировали то, что вы имеете в виду, те определения, которые вы будете нам предлагать, примерами из образовательной практики.

Сейчас я представляю участников панельной дискуссии. Анатолий Георгиевич Каспржак, декан факультета Менеджмент в образовании Московской высшей школы социально-экономических наук, заслуженный учитель Российской Федерации, кандидат педагогических наук. Следующий участник – Сергей Николаевич Ким, генеральный директор Красноярской телерадиокомпании «Афонтово», депутат Законодательного собрания Красноярского края. Следующий участник – Михаил Владимирович Кларин, ведущий эксперт Российского института директоров, ведущий научный сотрудник Российской академии образования, г. Москва, доктор педагогических наук. Татьяна Михайловна Ковалева, ведущий научный сотрудник Института теории и истории педагогики Российской Академии образования, г. Москва, доктор педагогических наук. Александр Анатольевич Попов, заведующий лабораторией открытого образования и практической антропологии Института развития образовательных систем Российской академии образования, кандидат философских наук. И мне сложно сказать, к какому региону он принадлежит, я скажу так: Томск – Барнаул – Красноярск. Евгений Федорович Сабуров, научный руководитель

Института развития образования Высшей школы экономики, г. Москва, доктора экономических наук. Павел Аркадьевич Сергоманов, заведующий лабораторией Института психологии и педагогики развития Сибирского отделения Российской академии образования, председатель экспертно-аналитического совета Красноярской университетской гимназии «Универс», кандидат психологических наук, г. Красноярск. Исак Давидович Фрумин, советник Всемирного банка реконструкции и развития, г. Москва, доктор педагогических наук. Борис Даниилович Эльконин, заведующий лабораторией психологического института Российской академии образования, вице-президент Международной ассоциации развивающего обучения, доктор психологических наук, г. Москва.

Я предлагаю строить панельную дискуссию в три такта. На первом этапе я бы попросил всех участников обозначить свои позиции. И убедительная просьба: жестко держать два вопроса, все вопросы у вас зафиксированы, я еще раз их повторю: «Что ситуацию определяет как ситуацию развития?», «Что среду делает образовательной средой?». Было бы очень важно, чтобы вы, возможно, сделали какой-то экскурс исторический, возможно, положили свои гипотезы, свои позиции, свои определения. Было бы очень здорово, если бы вы иллюстрировали свою позицию примерами. И после того, как будет обозначена позиция участников панельной дискуссии, будет предоставлена возможность всем участникам конференции высказать свое отношение к заявленным позициям. И, наконец, третий такт панельной дискуссии это такт, в котором участники панельной дискуссии сделают свои выводы и заключения с учетом мнений участников конференции, с учетом позиций других участников панельной дискуссии.

Итак, мы начинаем, и слово предоставляется доктору психологических наук, профессору, Эльконину Борису Данииловичу.

Борис Эльконин: Добрый день, глубокоуважаемые коллеги, я постараюсь коротенько вот именно обозначить свою позицию... и оппозицию. Значит, первое, сразу надо сказать, что вопросы поставлены хитро. Вот бы узнать, кто ставил, чувствуется почерк Бориса Иосифовича, до некоторой степени. Трудный, на самом деле, и еще пока не решенный вопрос о том, что определяет ситуацию как ситуацию развития. Вот если начать над этим думать, то несколько соображений. Во-первых, это особый способ включенности человека в, как говорится, сообщество, какую-то обстановку. А именно такой способ включенности, который смыслово преобразует эту обстановку, то есть не идет по ее чертам, а строит в ней какие-то фокусировки, как бы ее отчасти перестраивает, и тем самым связывает каким-то образом ее какие-то элементы, ее какие-то ее части. Во-вторых, эта особенная включенность связана с двумя вещами (это я на первый вопрос отвечаю): во-первых, это такая включенность, где опыт и схемы, уже приобретенные участником этой ситуации не соответствуют, или требуют преодоления в тех горизонтах, которые открываются в этой ситуации. То есть если некая ситуация есть ситуация развития, то тот, кто в нее включается, не может входить в нее, ну как бы, таким, какой он есть, в силу каких-то моментов этой ситуации, и здесь требуется какое-то фундаментальное или того или иного масштаба преодоление. Ну и, как я уже сказал, это преодоление связано с тем, что это такая

сложная ситуация, где открываются горизонты. Из того, что я сказал вот все, что удовлетворяет указанным мной трем характеристикам: смысловая реконструкция, требование преодоления сложившихся схем и открывающиеся горизонты определяет эту ситуацию как ситуацию развития, ну, некую х-ситуацию. Вообще, можно ли *такое* назвать какой-то одной ситуацией? В связи с тем, что я так себе представляю эту ситуацию, я в своей версии психологии развития представлением о среде не пользуюсь, а пользуюсь представлением о посредническом действии, как центре этой обстановки, которую один человек для другого человека как-то образом образует. И считаю, что обстановки развития делают не вещи, не среды, с острыми или неострыми углами, а люди которые находятся в узлах обстановок, углах, центрах, люди, которые функционально определены как посредники. Соответственно, вопрос о среде для меня превращается в вопрос о сценировании, дизайне обстановки так, чтобы она стала той, о которой я говорю. Это первый вопрос. Теперь второй. Если это происходит, такая обстановка становится образовательной, если не происходит, она остается просто какой-то другой обстановкой. Спасибо.

Вячеслав Башев: Пожалуйста, кто готов продолжить? Татьяна Михайловна.

Татьяна Ковалева: Если кратко, тезисно, я бы сказала так. Когда в педагогике обсуждается, как ситуацию сделать какой-то определенной ситуацией или среду сделать какой-то определенной средой, то традиционно говорят о том, как надо насытить среду или ситуацию, чтобы она соответствовала определенным задачам. Мне кажется, в ходе конференции важно удержать и другой фокус, когда мы обсуждаем не насыщение среды или ситуации, как какие-то задачи, а просто как бы угол зрения менять. В принципе, я, наверное, буду говорить созвучно тому, что говорил Борис Данилович, только на своем языке. Это касается способов работы, технологий, это можно будет потом дальше подробно обсуждать, каких-то техник определенных, при котором сам взгляд на любую среду уже формируется как на образовательную. Ну вот, чтобы это было понятно, просто маленькую зарисовку. Во многом, например, сама задача обсуждения образовательной среды связана с пониманием Монтессори, что надо что-то добавить в среду, чтобы она стала образовательной, насытить подростковую или дошкольную среду. А можно обсуждать такой момент, предельно другой случай. В среде ничего не меняется, но сам способ отношений взрослого и ребенка такой, что он любую среду начинает для себя воспринимать как потенциально образовательную. Мы в литературе многие вещи знаем, когда, например, совсем, казалось бы, закрытые формы являлись для них максимальной образовательной средой. Потому что сам тип отношений делал эту среду ресурсом. И обсуждая ситуацию развития, обсуждая ситуацию образовательной системы, мне кажется, надо саму эту установку тоже держать.

Сергей Ким: Вообще очень интересно пригласить профессионального телевизионщика на конференцию по развитию и вообще заставить его думать над тем, что он делает. В этом смысле я думаю, что телевидение совершенно не представляет из себя никакой воспитательной среды по одной простой причине – там нет субъекта, который ставит задачи воспитания. Знаменитая есть триада, что делает телевидение: информирует, развлекает и воспитывает. Так вот, я считаю, что вопрос воспитания придуман специально, чтобы нам было неудобно, и мне, в частности, на таких

конференциях. Ничего никто не собирается через телевидение (по крайней мере, я вам это заявляю как профессиональный телевизионщик) кого-то воспитывать. Информировать, и то постольку поскольку; развлекать – обязательно. А все остальное, мне кажется, не имеет никакого отношения к развитию, воспитанию, к самой постановке такой. Вот с этим я пришел, об этом я попробую завтра сделать доклад. С удовольствием выслушаю ваши мнения, потому что я столкнулся при подготовке доклада с очень интересными вещами. Оказывается размер телесмотрения в России увеличивается. Я считал, что - уже при том, что появилось многозальное кино, есть определенный всплеск интереса к театру, сейчас доступны все книги, - телесмотрение падает. Оказывается нет. За последний год телесмотрение выросло в сезоне на какие-то там 20 минут. Перед этим – на 20 минут, на 20, и так далее. И сейчас телесмотрение включает в себя 3 часа и 38 минут. Это в целом по стране. Успокаивает меня единственное – в 58% из 100, когда в семье включен телевизор, его никто не смотрит. Это такое фоновое смотрение, которое просто шумит. С идеей, что телевидение не представляет среды развития, я сюда и пришел. Если мы поспорим завтра, ну, спасибо. Будем считать, что я здесь, на панельной дискуссии анонсировал свой доклад. Спасибо.

Исак Фрумин: Отвечая на эти два вопроса, я внутренне отстраиваюсь от того исследовательского опыта, который я когда-то набрал в области инновационных моделей обучения, или технологий обучения. Я сейчас скажу немножко о другом и буду приводить примеры короткие из другой совершенно образовательной практики, эта практика обучения и развития в условиях корпорации, в условиях компании. То, что описывается словами «внутрифирменное обучение». Отвечая на первый вопрос, я удерживаю такую рамку: что делают в ситуации развития по отношению к тем кто, работает и действует в корпорации. Из моих наблюдений, здесь я выступаю как практик, который рефлексит над практикой, поэтому мне надо дать особый методологический момент. Я вижу, что первое – это жизненные потребности, индивидуальные жизненные потребности. То есть, например, в моих глазах есть начинающие менеджеры, которые стремятся, (и это внутреннее..., эта мотивация называется в таких условиях драйв) развить себя. И это развитие в жизненном контексте, это не познавательное, интеллектуальное развитие само по себе. Рамка жизненный контекст. Еще одно обстоятельство - это организационный контекст, организационные потребности. Когда компания специально организует систему развивающих и обучающих воздействий, предполагая, что ее персонал разных уровней радостно откликнется на это. Те, кто радостно откликается, продвигаются, те, кто не радостно или не откликаются, - остаются там, где были или выпадают. Еще один фактор это рыночно-экономический. Например, в начале 90-х годов, когда я попал на американский завод «Сатурн», крупный автомобильный завод. Идет по цеху рабочий и у него на футболке написано «Remember Pearl Harbor» - вспомни о Перл Харборе, имела в виду ожесточенная конкуренция между японскими и американскими представителями автомобилей. Вот это давление конкурентной среды, которое проникает естественно в любой динамичной организации с рыночной экономикой, у нас тоже достаточно примеров. Это то, что побуждало завод создавать кружки качества, которые занимались не просто

разработкой производственных решений организаторских, а обучались, тому, как это делать, и обучались в процессе делания.

Что делает среду образовательной средой? Здесь тот же контекст. Я вижу такой ответ. Это системное внимание к образовательной практике, системное внимание со стороны потребителя результата образовательной практики, то есть я сейчас говорю о компании.. В практике обучения и развития персонала есть ступени, по которым можно оценивать результативность этих образовательных и обучающих воздействий. Первая ступень- это просто реакция человека на то, как его чему-то обучают, или он обучается сам, нравится ли это ему, считает ли он это эффективным, и так далее. Второе это собственные учебные результаты, которые контролируются периодическими тестами, понятная для нас с вами вещь, традиционная. Третий уровень – поведенческий: меняется ли поведение человека после того, как он прошел какие-то более-менее формализованные воздействия. И четвертое – меняется ли бизнес-результат. Это уже другая рамочка. Это не индивидуальная рамка, это рамка наиндивидуальная. Вот я вижу, что системное внимание – это то, что делает среду, восприятие ее, для людей образовательной средой, то что побуждает их развиваться. Спасибо.

Михаил Кларин: Прозвучало столько точек зрения, что мне не интересно говорить что я думаю, мне интересно поспорить, потому что... ну, понять, о чем мы говорили. Во-первых, явно определяется два представления о среде: это среда как непосредственно окружение и среда как контекст. И, фактически, об этом говорила Татьяна Михайловна. Но я бы здесь обратился к тому, о чем говорил Сергей Николаевич. Этот пример с телевизорами, которые работают, но в 58% их не смотрят, он совершенно великолепно иллюстрирует такую, с одной стороны, фетишизацию среды, мы считаем, что телевизор это страшное зло, оно такие плохие вещи вещает, а на самом деле в 60% случаев не смотрят. Так вот я бы утверждал, что среда, которую мы часто считаем образовательной, она как этот телевизор. Интересно посмотреть, в скольких процентах случаев, точно так же как фоновое телевидение, или фоновое телевидение, есть такое фоновое обучение. На самом деле, я вспомнил, что я слышал лет тридцать назад результаты одного исследования, когда пытались посмотреть сколько времени ребенок из провинции на уроке участвует в учебном процессе и проявляет минимальную вовлеченность. Минимальную. От пессимистических 3-х до оптимистических 15-ти %, то есть результат еще хуже, чем у телевидения. Мне кажется, что здесь причина очень простая. Потому что, когда мы говорим про контекст, то все равно мы рассматриваем человека как крысу, которая, грубо говоря, когда ей кушать не хочется, нет никакого контекста, она не бежит и не нажимает на эти кнопки. И не учится, то есть в результате формирования условных рефлексов. Но мы не говорим о том, что... Мне кажется, что и социальная ситуация развития, и образовательный характер среды, наверное, отличаются собственной активностью человека. Причем, может быть, здесь как раз, я не встречал такого различия в литературе, я бы хотел завершить тем, что, возможно, здесь можно и почувствовать различие между средой и социальной ситуацией развития, о чем говорил Борис Данилович. То есть в среде человек тоже может быть активен, но это активность такая... его заставляют. И очень

понятно, и можно проследить, какие силы. Ну, например, рыночные, о которых говорил мой сосед. В социальной ситуации развития человек имеет возможность свободного действия и собственной активности. И именно этим, насколько я помню, Выготский отличал, строго говоря, социальную ситуацию развития просто от учебной ситуации. Мне кажется, что пафос самого этого понятия состоит именно в картинности самого ребенка.

Анатолий Каспржак: Я позволю сам себе и, может быть, коллегам и всем, кто здесь сидит, сформулировать три дискуссионных вопроса и сразу хочу сказать, что ответа ни на один из этих вопросов я не знаю. Первое. Хочу получить на этой конференции ответ на вопрос, является ли образовательная среда составной частью содержания образования. Точнее так. В какой степени образовательная среда, или образовательное пространство школы, является составной частью содержания образования. Меня тоже, между прочим, на этот вопрос двинул телевизор. Ну, потому что телевизор - это же главная... он стоит везде, только что в туалете еще не стоит. Я так глубоко уверен, что является составной частью содержания образования, по выражению академика Крылова, которого, как известно, воспитывала полоска света под дверью папиного кабинета. Я глубоко убежден, что это так. Но, все-таки, какое соотношение? Если на сегодняшний день мы говорим, что учебное знание является вторичным, то мне бы хотелось пообсуждать вопрос вот этого соотношения. Второй дискуссионный вопрос. Для меня почти очевидно, что главная беда сегодняшней школы – это несоответствие той среды, которая находится внутри школы, как образовательного института, и в данном случае я имею в виду и каждое учреждение в отдельности, и всю их совокупность, от того, что происходит за его стенами. Вот в этом я убежден. И реформа школы лежит здесь. «Нет» замене теоремы Пифагора на теорему Кого-нибудь. О характере отношений: информационное общество, бизнес, дальше я ставлю многоточие. Мне бы хотелось пообсуждать этот вопрос, для меня вот это важно. И, наконец, третье. Мне кажется, этот третий дискуссионный вопрос, для меня. Если бы я его не разъяснил, я бы считал, что зря сюда приехал. Каждый ведь из нас эгоист, он для себя приезжает на конференцию, ну, по крайней мере, я эгоист. Это ситуация развития. Я сейчас хороший, циничный, и психологи пусть меня потом побьют. Мне кажется, что у нас очень интересно отличают ситуацию развития от ситуации неразвития. Существует какой-то ребенок, а в голове у того, кто с ним взаимодействует, существует идеальный образ. Вот если движение ребенка происходит в ту сторону, к этому образу, который есть у этого человека, мы говорим: это ситуация развития, а все остальное не ситуация развития. Вот сегодня играл замечательный инструментальный ансамбль. А если бы сюда поставили рок-ансамбль, это бы была уже не ситуация развития для тех, которые сидят в этом зале. Но и то, и другое ситуация развития. Возникает вопрос расположения осей. Вот три вопроса, на которые я бы хотел получить ответы, вкратце, от тех самых умных людей, которые вот здесь сидят.

Вячеслав Башев: Анатолий Георгиевич, было бы очень важно, вы один из тех самых умных людей. Важно, все-таки получать не только вопросы. В чем смысл панельной дискуссии?

Безусловно, спасибо за то, что вы задаете эти вопросы, на которые стоит отвечать, но было бы очень здорово все-таки гипотезы ответов услышать.

Анатолий Каспржак: Я постараюсь сделать это в своих докладах. Я вообще на самом деле могу и сейчас начать выступать, но это, мне казалось, не жанр панельной дискуссии. Вот я, например, в каждом из своих вопросов уже ответил. В каждом из вопросов содержалась моя позиция. Я могу кратко повторить. Я считаю: первое: образовательная среда, или образовательное пространство школы, является той главной частью содержания образования, которую следует обсуждать, что учебные материалы мы уже обсудили настолько, что они, в общем, уже являются вторичными. И относительные изменения в школе, как мне кажется. И второе. Мне кажется, что, когда мы обсуждаем ситуацию развития, то следует ее обсуждать отвлеченно от представлений педагога, отвлеченно от идеального образа, сложившегося в голове педагога.

Павел Сергоманов: Честно говоря, я, когда послушал, Бориса Даниловича, я подумал, что он нам предлагает ситуацию развития. Потому что из того, что он произнес, я запомнил два слова – горизонт и схема какая-то. Может быть, стоит воспроизвести запись и еще раз окунуть себя в это немыслимо сложное когнитивное поле, по которому пока не очень понятно, как и куда двигаться. Наверное, это и есть симптоматика, когда человек попадает в ситуацию развития. И я, когда думал над вопросами панельной дискуссии, я вспомнил про свою кандидатскую диссертацию. И, отвечая на вопрос, что ситуацию делает такой, а не другой, я нашел опять же простой ответ, я думаю, что меня Борис Иосифович, в данном случае, поддержит, это, собственно конфликт. То есть утверждение состоит в следующем: если ситуация содержит в себе конфликт, то такую ситуацию можно определить как потенциальную ситуацию развития. Но, как говорят в рекламе, и это еще не все. То есть не всякий конфликт, не всякое трудности преодоление образует развитие. Я в этом смысле согласен с Анатолием Георгиевичем, что вектор должен быть, но не обязательно тот, который у меня в голове нарисован. То есть, какой-то вектор все равно должен быть. Если мы столкнулись, скажем, в споре или трудности с учеником с его схемами, горизонтами, знаниями, и так далее, то, наверное, еще может быть такой аспект как принятие этим учеником, субъектом, самой перспективы. Потому что можно рисовать разные голубые и розовые дали, особенно у себя в голове. Но оказывается, что, например от 3-х до 15-ти % детей и подростков пропускают это мимо. Начальная школа, немного не так себя ведет, во всяком случае, по моим, так сказать, исследованиям. Должно быть что-то еще второе, что можно было бы метафорически обозначить как принятый вызов, принятый конфликт. И причем с учебным, психологическим содержанием. В этом смысле, резюмируя ответ, можно сказать, что ситуацию как ситуацию развития определяет принятый вызов с неопределенным результатом, что важно. Именно это важно, с неопределенным результатом, мы не знаем, что получится, если так помягче говорить, не в результате, а в эффектах, потому что в обучении мы знаем что получится, то есть дважды два он, такая зараза, все не научится складывать. А вот что там приключится, в смысле схем и горизонтов, это, я считаю, относится к эффектам. И, отвечая на второй вопрос, я бы сказал так: да, конечно, хорошо, когда среда богата. Что это значит? Это значит, фактически, развернутое продолжение этого

непредсказуемого результата или эффекта. В этом смысле чем больше, скажем так, выражаясь языком дидактики, чем больше помощников, то есть таких средств, которые позволяют ребенку «защитить» какие-то трудности в собственной голове, тем более образовательной будет среда. Если приводить пример из урока, наши литераторы, с одной стороны, побуждают к некоторому творчеству в области языка, делать нечто не языком, а с самим языком что-то производить. С другой стороны, в лаборатории словесности есть масса словарей, справочников и так далее, причем принципиально, что они очень разные и их достаточно много. В этом смысле образовательную среду делает образовательной достаточно большое, насыщенное, количество помощников, средств, которые могли бы помочь в разрешении конфликтов, о которых я сказал.

Евгений Сабуров: Я, так сказать, гость на этом празднике жизни, и поскольку все от педагогических наук, а я т экономических наук, наверное, надо сказать со своей стороны, как видится эта проблема. Как я слышал, вопросы поставлены довольно обще. Естественно, надо говорить о том, что наболело, и, в сущности, говорят об отношениях ученика и учителя. Образовательная среда, я так понимал, что речь идет о классе, школе, а может быть и чем-то приближенном. Я начну с того, что такое слово «развитие» и как оно понимается в экономике. Вот замечательная совершенно книжка «Развитие как свобода». С точки зрения современной экономики, развитие – это расширение возможностей, расширение свободы. Это довольно четкое определение, и, если раньше в экономике говорилось, что свобода – это условие для развития, развитие происходит более эффективно в условиях различного уровня свобод, то сейчас говорят, что свобода является целью, То есть, собственно, для чего мы развиваемся? Чтобы увеличивать наши возможности. Как можно больше денег стараемся заработать, чтобы можно было куда-то съездить, можно было что-то купить, чего не было, то есть, расширить нашу свободу. Вот такое положительное понимание свободы, развития я, вообще-то говоря. Учебный материал – это нечто вторичное. Вот я смотрю учебники по обществознанию, там нет положительного определения свободы, там все время что это не то, не то, не это, и любые рассуждения о свободе начинаются с того, как бы ее ограничить – не надо это делать, не надо это... На наш взгляд, правила и ограничения не сужают, а расширяют свободу. Но вот, если посмотреть на экономические законодательства Соединенных штатов, просто плохо станет. Но мы считаем свою страну свободной и действительно правильно считаем. То есть, нагромождение правил, на самом деле, расширяет свободу. Правила эти не наследуются, другого способа передачи, кроме как образование, у нас нет. То есть, передавать свободу, все более расширять возможности человека можно только таким образом. И здесь есть какая-то путаница. Я совершенно согласен с тем, что говорил профессор Эльконин. Но мне кажется, он говорил не об образовании. Образование, вообще-то говоря, - это плато, которое создает сам человек. Простая вещь: стиральная машина. Она является платом? Нет, она является ресурсом, а платом является то, что женщина освобождена от тяжелого труда, то, что у нее появляются новые возможности, время. И это плато вырабатывает она сама, а это ресурс, поэтому образовательная услуга, та помощь, которую оказывает образовательное сообщество ученикам и обществу, это не само образование, с точки

зрения современной экономики. Образование совершает сам человек. Какие при этом помощники, посредники существуют...? Если это отдельный человек то почему говорится слово «среда»? Мне слово среда не очень понятно и я, действительно, солидарен с тем, что говорилось о социальном взаимодействии; среда – это что-то немножко расплывчатое. Но отдельный человек, создает, да, это плато, которое, так сказать, образование, но в результате социального взаимодействия. Один он это сделать не может, он это создает в результате социального взаимодействия. И в этом смысле, как он это делает? Было сказано: «Радостно отвлекаться». Да, а иначе ничего не получается. Дело в том, что если радостно отвлекаться, то каждое последующее завоевание достигается меньшим трудом. И это закон такой. Образование уменьшает затраты труда на получение удовольствия каждый раз все больше и больше, в отличие от наркотиков, с которыми все наоборот. В этом смысле, это метод, который, я думаю, вы и используете. Что касается вопросов, которые возникли, я хочу сказать только одно. Недавно мы провели такую дискуссию, среди людей, не занимающихся вплотную образованием, по крайней мере, общим образованием, и попросили ответить на вопрос: «Зачем вообще все это нужно?». И вот выдающийся наш социолог Реверсон сказал, что школа сейчас не занимается передачей знаний, не занимается воспитанием, а занимается социализацией. При этом он это слово понимал несколько иначе, чем вы понимаете. Он говорит: «Когда она кричит на весь класс сорок пять минут, называет их хамами, она готовит их к будущей жизни, она производит случайную работу по социализации детей к тому миру, с которым им придется столкнуться». Поэтому, вообще, воспитательную роль играет телевидение или не играет телевидение? А мы не знаем в этой ситуации. И в этом смысле, что такое образовательная среда? Что там с детьми происходит? Каковы социальные взаимодействия? Как человек сам вырабатывает в результате них свое образование? Это, по-моему, очень интересный вопрос. Если еще добавить, что да, ситуация развития – это нормальная ситуация для человека, но она состоит не только в усвоении правил, но и выработке новых правил для осуществления свободы. Мне кажется, что это была бы очень интересная дискуссия.

Александр Попов: Я в начале хочу среагировать на то, что было сказано об оркестре и про рок-н-ролл и быстренько рассказать такую историю, что после ситуации на майдане в администрацию были вызваны четыре человека, это Борис Борисович Гребенщиков, это Земфира, это Вася из группы Сплин и Шнур из группы Ленинград. Шнур не только матершинные песни поет, но и сделал гимн недавно, который называется «Я свободен» в честь того человека, в поддержку которого у нас по всей стране идут митинги. И в этом смысле это протест. Во-первых, классических артистов не позвали, а вопрос о том, что эти четыре группы определяют социальную ситуацию развития среди молодого поколения, и буквально сказано было следующее: «Мы знаем, что у вас есть новые альбомы, не могли бы вы их выпустить после 2008 года?». Поэтому вопросу протест – это вопрос очень важный, туда никого не позвали из той педагогики, той академии, этой академии, а позвали этих четырех человек. У меня три пункта. Момент первый. Поскольку я воспитан в рамке мыследеятельностной методологии и по касательной имею отношение к психологии развития, я и буду разворачивать сейчас, и во многом повторять за Борисом

Даниловичем Элькониным, что вообще-то говоря, для нас никакого понятия развития, и, тем более, никакой другой дидактики развития не существует, кроме той, которая была выработана в рамках концепта идеальной формы, открытого действия, рефлексивно-управленческой компетенции, коллективной мыследеятельности, возможности занимать позиции и так далее. Я думаю, что это имеет смысл обсуждать на докладах. Исходя из этого, я думаю, что ситуацию развития своевременно сегодня обсуждать как ситуацию неопределенности, в которую попадает человек, в которой появляются новые возможности, самое главное, с помощью своего действия он может освоить эти новые возможности, стать другим, то есть в этом смысле стать субъектом. Во втором моменте я бы обратил внимание на то, что, несмотря на то, что мы не будем спорить, потому что есть само развитие и есть социальное развитие. Крайне важна вторая приставка, это образовательные среды, потому что, если эти образовательные среды будут выстроены, а конкретно – если эти ситуации неопределенности существующих образовательных институтов не будут созданы, то я так думаю, что лет через пять - через семь всю эту великолепную теорию, я имею в виду педагогику развития, разворачивать будет некому. В этом смысле вопрос об образовательной среде – это вопрос о нормативных пространствах. Чтобы было понятно, я приведу несколько примеров. О нормативных пространствах: о новой старшей профильной школе как новом образовательном институте, о новом дополнительном образовании как о новом финансовом организационном образовательном институте, о федеральных университетах в стране как новых образовательных институтах. Если вопрос об институциях не будет поставлен и не будет решен, в том числе, и внутри педагогики развития, то, по всей видимости, конкуренция будет проиграна. В связи с этим у меня, (не знаю, как вы к этому отнесетесь, серьезно или несерьезно) предложение: психолого-педагогический эксперимент в педагогике развития завершить. И признать, что он выполнил свою функцию. Пример: книжек написано много, менеджеров нет, теорий у нас достаточно, реализовывать некому. Проектов нет, я имею в виду проектов, которые могли бы освоить все те наработки, которые были сделаны за много-много лет. В этом смысле надо начать другой эксперимент – эксперимент с построением новых образовательных институций. Пункт третий, последний. Мы с коллегами тут в кулуарах прикинули существующую капитализацию педагогики развития, выделив 7-8 программных проектов. Ориентировочно, без всяких методик считали, на взгляд, капитализация педагогики развития в лучшем случае составляет 25-30 миллионов долларов. Но это условная вещь, потому что капитализация – это то, что потом можно перевести в другие активы. Эту вещь перевести в другие активы пока очень сложно. Я думаю, что одну из целей педагогики развития, связанную с развитием институтов, можно поставить - увеличение капитализации за ближайшие пять лет в десять раз. Для реализации этой задачи у нас есть две проблемы. Одна проблема объективная, другая проблема субъективная. Проблема объективная: по всей видимости, в стране все скукоживается, и гуманитарные практики будут свернуты. Ну, и, в общем, нарастающая общественно-государственная тенденция... Я сейчас сошлюсь на последнее интервью президента в Израиле. Там было все про это сказано. Субъективная причина заключается в том, что в этом

зале сидит всего семь человек, включая меня и Сергоманова, которым (все мужчины) плюс-минус 35 лет. Это значит, что через 10 лет у нас катастрофически не будет хватать ни ученых (нет, они, наверное, будут и напишут еще много книг), у нас катастрофически не будет хватать менеджмента. И в этом смысле мы можем поиграть конкуренцию. И самое обидное, что мы проиграем ее не тем, у кого есть альтернативные проекты (не педагогика развития, а педагогика полета), а проиграем эту конкуренцию тем, у кого никакого проекта нет. Я думаю, что точка.

Обсуждение

Вопрос Аудитории (Е. Сабурову): Как вы понимаете «свобода для» и «свобода от»?

Сабуров: Речь идет не о свободе как средстве. «Свобода для» и «свобода от» это из рассмотрения свободы как средства для чего-то. Целью у нас является что-то другое. В качестве средства применяйте или «свободу для» или «свободу от» чего-то. Я думаю, что современный взгляд, по крайней мере, в экономике, - свобода является целью, расширение возможностей является целью, заработать немного денег – это средство. Но и свобода может рассматриваться как средство.

Вопрос Аудитории: Будет ли современный учитель входить в рамку образовательной среды?

Анатолий Каспржак: Конечно, будет. Одна из проблем школы – это проблема профессионала в том виде, в котором вы его привыкли видеть. Поэтому очень часто пришедшие в школу успешные вне школы люди создают в школе замечательную обстановку. Учителя по-другому начинают себя чувствовать, когда в школу приходят успешные профессионалы. Есть разные типы учителей. И вот эти успешные люди они же тоже как учителя не могут работать? Почему такой замечательный был эффект в определенный момент от связок школа-ВУЗ? Приходит преподаватель ВУЗовский, совершенно состоявшийся человек, как научный работник. И когда он работает в паре с учителем, который хороший технолог, то возникает то, что нужно, причем не в плане образовательных результатов. Обратите внимание, как интересно работать ученикам с человеком, который что-то умеет делать лучше всех.

Исак Фрумин: Очень много говорили о связке учитель-ученик, ребенок-взрослый. Но особенно связка, где ребенок и взрослый оказываются в педагогической позиции. И появление проблематики среды означает, что мы начинаем признавать, что ребенок очень много бывает без взрослых. И вот что там происходит. Для нас это терра инкогнита, причем сознательно часто игнорируем. Вопрос позволяет жестче зафиксировать... Для меня, например, среда – это там, где нет взрослого, это там, где ребенок имеет дело либо с предметами, либо опосредованно взаимодействует со взрослыми, как, например со СМИ. А социальная ситуация развития – это более широкое понятие, которое, скорее всего, может включать, а может и не включать взрослого, но в ней главное – собственная активность.

Михаил Кларин: Я скажу из другой рамки. Речь идет не о взрослом-ребенке, а о взрослом-взрослом, из которых один находится, если не в учительской, то в педагогической позиции, а другой – наоборот развивается. Я имею в виду особую практику развития, которая получила название коучинг. Она применяется в корпоративном мире, но не только, она применяется в более широком контексте – жизненном. Роль человека педагогической позиции состоит в том, что он

целенаправленно ничему не учит, он представляет собою особое средство, как зеркало, которое позволяет самому субъекту развития становиться, оставаться и удерживаться как субъект развития. Он возвращает человека к тому, что ему важно сейчас, что он хочет получить, научиться в техническом смысле слова, что для него важно как приоритет в его жизненном развитии, что для него важно в его жизненных планах и так далее. Это особая ситуация, когда это не учитель, но помощник в развитии.

Реплика из зала: Мы опять не выходим за поле педагогического пространства, хотя обсуждаем проблему социальной ситуации развития. Здесь присутствуют педагоги и психологи, и достаточно мало тех, кто кроме нас каким-то образом влияет, сопровождает. Возникает вопрос к Сергею Николаевичу: может быть информирование можно понимать по-другому – мы не просто информируем, мы пытаемся осмыслить эту информацию и через это осмысление информации воспитывать?

Сергей Ким: Зная практику того, кто делает новости, никаких воспитательных задач не ставится. Никогда. Корреспонденты, все очень молодые. Никаких воспитательных попыток они вообще не делают. Анализировать они не умеют, не хотят и не будут. Их заставляет это делать жизнь, поэтому рассчитывать нам не на кого, это главный мой тезис. Я люблю то, что я делаю, больше того, я горжусь тем, что я делаю. При этом надо точно понимать, что никакого развития, в самой, даже если ты смотришь документальный фильм любимого мной Леонида Парфенова, никакого воспитания не получается, это просто набор цветных открыток и получаешь только кайф оттого, что ты это смотришь. Наверное, что-то в голове остается, вопрос в том, ставится ли такая задача? Никакого развития там нет и не может быть. И никакого обобщения не получается, если получается – извините, случайно.

Вопрос Аудитории: Анатолий Георгиевич, Если мы говорим о том, что мы, взрослые, педагоги и родители ведем ребенка к идеальному образу, который не отвечает его потребностям то тогда кто же задает вектор позитивного развития ребенка?

Анатолий Каспржак: Мы этого ребенка произвели на свет, но мы никогда не будем жить его жизнью. Мы хотим, чтобы наш ребенок прожил нашу жизнь, решил те задачи, которые мы поставили, но не совершил наших ошибок. Когда мне преподаватель по педагогике говорила, что мы сейчас будем делать человека, это был мой первый крупный скандал в педагогическом вузе. Я сказал, что делать с вами ребенка я не собираюсь. Это было в 71 году. Это самое страшное, если учитель будет точно представлять образ идеального человека. Это его образ. Образ идеального у каждого свой.

Александр Тубельский: Я бы поддержал тех, которые обратили внимание на то, что при всякой разнообразной среде и более чем многослойной социальной ситуации, тем не менее условием развития становится то, на что человек обратил внимание, иначе говоря, зафиксировал. И в этом смысле это многообразная вещь, я буду об этом говорить Вопрос: А как человек фиксирует то, что он видит? Тут разговора о том, что активность его важна, мало. Мне кажется, что это задача педагогов, если не сегодняшних, то будущих, подумать об этом. Я в этом смысле обратил бы

внимание на некоторые свойства и способности личности, которые действительно можно выращивать. В той же самой информации: умение ее понимать, умение ее интерпретировать, с той же самой коммуникацией: не просто умение взаимодействовать, еще и многое другое, что мы на практике называем универсальными умениями, универсальными способностями. И я думаю, что педагог тут может много чего делать.

Реплика из аудитории: Я полагаю, что следует поблагодарить тех, кто участвовал в панельной дискуссии. Во всяком случае, для меня возникло понимание, что ситуация развития это, все-таки, готовность активных субъектов промышлять ситуацию как систему, то есть определяя и элементы этой ситуации и создавая и простраивая связи и отношения между ними. Относительно второго вопроса, что является образовательной средой мне бы хотелось все же зафиксировать одно из понятий, которое так или иначе звучало сегодня, это понятие «образы самоизменения», то есть когда появляются образы самоизменения, тогда и появляется, и векторность, которую создает педагог. Когда существуют образы самоизменения, тогда мы и можем в принципе их оценивать с точки зрения тех ценностей, которые готовы утверждать и защищать.

Борис Хасан: Когда много лет назад мне пришлось быть вожатым в пионерском лагере. Совершенно замечательный лагерь. Устроен прекрасно, просто великолепно. Там чего только не было на территории лагеря, даже ракеты и танки. Все для детей. Кормили там блестящие, воспитатели были лучшие, ну и так далее. Когда мы после сезона спрашивали детей, что им запомнилось больше всего, то выяснили, что им запомнилось, то, что было за территорией лагеря. Мне кажется, что ключевое место, это не насыщенность среды помощниками и ее богатство и так далее, а рассогласование между собственно действиями, стремлением чего-то преодолеть, и готовностью всего на свете. Если поймем баланс, если мы найдем и поймем, можем ли мы вообще относиться к этому проектно, потому что конечно эта определенность создает ситуацию. И именно рассогласование между собственным видением и тем, как это устроено, и востребованность, связанная с преодолением и изменением. Конечно, в разных возрастах это разное. Потому что чем старше человек, тем больше он стремится к максимальной определенности. А мы знаем, что огромное число людей как раз терпеть не могут определенность и стремятся к рискам. Если нам удастся нащупать возможность проектно относиться к этому согласованию и рассогласованию, соотношению, собственно говоря, того, что вне человека с его собственными притязаниями, то можно попытаться занять какое-то место в этом отношении.

Подведение итогов.

Борис Эльконин: В вопросе была провокация. Какую ситуацию можно полагать ситуацией развития? Можно ответить: никакую нельзя полагать. Потому как дальше ты начинаешь думать, как должно быть устроено что-то, чтобы туда попал и как в сказке: попал добрый молодец в чан с кипящим молоком и вышел царевичем, а попал плохой человек и неизвестно, что случилось. Вот это пример социальной ситуации развития. Потому как ситуации, если ее мыслить пространственно, которая бы детерминировала изменения чего-то, связанного с людьми, быть не может. И все это разговоры о свободе, активности, воспоминания о Выготском они вот в эту

сторону. Если начать говорить об этих ситуациях, то надо само представление о ситуативности каким-то образом менять и представлять себе и во времени, и в становлении и в чем-то. И в этом смысле это не ситуация в том обыденном смысле, о котором мы говорили, в ней есть переход, в ней есть становление, в ней есть чего-то уже сложившегося, никакого развития того, что туда попадает, точно не будет. Если хотите неразвития, складывайте как уже сложившееся.

Сергей Ким: Я хотел сказать, что ситуацией развития делает ситуацией человек, который пришел что-то там делать, что-то там развивать. В этом отношении телевидение, которое я здесь представляю, такой задачи не ставит. И сколько бы ни было каналов, даже если у нас будут бесконечно интересные ВВС-сериалы, ничему они никого не научат. В лучшем случае улучшится качество свободного времени, более интересно они начнут его проводить, с меньшим ущербом для себя. Вот и все. По части того, что делает среду образовательной средой? Просто педагог в данной ситуации. Потому что телевидение на самом деле предоставляет сейчас огромные возможности для того, чтобы по поводу того, что показывают в этом ящике устраивать дискуссии. Это замечательное средство аудиовизуализации. Телевизионщики научились фиксировать, они умеют бороться за зрителя, они оставляют след от того, что они делают, в душах. При этом еще раз, еще десять раз скажу, что никакого развития телевизионщики не планируют. И это, наверное, очень даже правильно. Ну а по части того, что на телевидение вешают всех собак, это нормальное дело. Я еще работал в свое время, в советское время, и был секретарем комсомольской организации, в далекой Пензенской области и был членом райкома партии. У нас было два человека, которые отвечали за все, что бы там в районе ни происходило, драки и так далее, это был редактор газеты и комсомол, потому что на это можно было навешать все. Так же и сейчас делается – вешают всех собак на телевидение. Скажите пожалуйста, вы действительно мат по телевизору слышали, вот настоящий, нормальный такой? Выйдите сейчас отсюда – все говорят. И если у нас пару раз в каких то передачах молодежных, там Дом-2, за который критикуют Афонтово и ТНТ, 3 раза слышали «пик» за один час, все говорят: «Что делает телевидение? Оно мату учит!». Да ну неправда же это.

Татьяна Ковалева: Я хочу сказать, что в нашей дискуссии мы как-то вышли на тему, которую обсуждали несколько конференций назад, не знаю, согласитесь вы, или нет, но, по-моему, очень четко. Это образовательный эффект и результат. Вот смотрите, вы даже все время повторяете тезис: телевидение такую задачу не ставило. Да, как результат не ставило, а с другой стороны, на примерах мы видим, что эффекты получаются яркие и точные. Теперь второй момент по поводу коучинга. Потому что коучинг, действительно, завоевывает пространство и очень бизнес-выгодная профессия. Вот вроде бы, по результату они работают в рамке развития, а если мы начинаем рассматривать отдаленный эффект, то они просто привязывают людей к фирме. И поэтому коучинг становится очень популярным и все руководители крупных фирм заказывают коучинг. И если с точки зрения образовательной среды смотреть, то в отличие от тьюторства, что получается? Что коучинг, работая с клиентом, сотрудником фирмы, фактически, сужает образовательную среду. Поэтому мне кажется, что такой поворот надо удерживать: когда мы говорим про

образовательную среду, надо обсуждать не результаты, не то, что ставили как цели телевидение, музеи, а надо смотреть, собственно, какие образовательные эффекты ловятся. И тогда уже отсюда начинать понимать, что было реально действительно образовательной средой.

Александр Попов: Я хотел бы заметить, что те, кто знает историю психологии, те знают, что когда разворачивалась психология развития, Выготский не стремился к такому институту, как школа, прежде всего. Вы знаете, что в 20-е годы все реформы образовательного пространства были свернуты, и никого формально отвечающего за образовательную среду в стране не осталось. Сколько лет я работаю, я не могу понять одного, почему в общем все вопросы и дискуссии сводятся к школоведению? Вообще институт школы никогда и не был призван социальную ситуацию развития разворачивать, а если мы ставим такую задачу, то мы должны: А) переосмыслить нормативное устройство института, Б) увидеть других партнеров. Я не со всем согласен. Мне кажется, что телевидение – это наш первый ближайший партнер, искусство, шоу-бизнес... Кто сказал, что образовательные среды должны быть скучными? Пока мы так говорим, мы на рынок никогда не выйдем, потому что подумают что туда загоняют. Надо делать так, чтобы он туда бежал с долларом в кармане вместе со своими папой и мамой. В этом смысле образовательная среда должна быть радостной, веселой и открытой.

Исак Фрумин: Я бы хотел поблагодарить всех, кто задавал вопросы и коллег своих, потому что дискуссия – это дело рискованное. Мне кажется, что надо различать ту среду, Которую создают в школе, в образовательном институте, и здесь мне показалась исключительно важной фиксация Павла Аркадьевича относительно того, что эта среда должна состоять из сред, которыми ребенок может пользоваться. Потому что я это много раз проверял, люблю повторять известную историю про то, как я спрашивал, у учителей и у детей, какой лозунг висит над входом в школу, и ни один правильно не сказал. Очень часто мы под средой понимаем вот это. В любом кабинете литературы висят портреты писателей, но очень мало кабинетов литературы, где есть словари, которыми можно пользоваться. В этом смысле первый вариант среды – это непосредственная среда, в которой ученик действует, и в которой средство. И здесь очень важно, чтобы среда была не фальшивая. Вторая среда, которая возникает – это большая социально-культурная среда. И действительно, сегодняшняя социально-культурная ситуация состоит в том, что эта среда начинает играть колоссальную роль, хотя сама в этом не признается, а мы с ней не работаем. И здесь опять я к Александру должен присоединиться. Возможно, что среди практических разговоров на этой конференции может состояться разговор о том, как мы работаем с этой средой, куда входят и СМИ, и Интернет, и физическая среда большого города. К сожалению, понятие социальной ситуации развития в нашей дискуссии отошло на второй план. Возможно, к нему еще раз надо будет вернуться. Как мне кажется, здесь важно очень заметить, что, как мне кажется, для Выготского ядром понятия социальной ситуации развития была собственная активность и отношение ребенка. Потому что до него социальная ситуация понималась как внешняя, как среда, фактически. И вывод: внимание на собственную активность ребенка. Как он взаимодействует со взрослыми и что для него это значит.

Михаил Кларин: Для меня интересным предметом уточнения стало то, что я понял в процессе. Мне интересны разные ракурсы соотношения между внутренним движением человека, динамикой личностных смыслов и ориентиров в жизни и профессии, и той структурой, которая накладывается извне, причем я беру ту, которая бывает особенно жесткой, а именно – корпоративную. Потому что она направлена на очень жесткие внешние цели. Так бывает. Еще одно мнение касается наших собственных познавательных установок. Мне кажется, что мы по некоторой привычке стремимся установить истину. Я исхожу из того, что есть инструменты познания и есть познавательные схемы. Меня интересуют инструменты. Их может быть не один, в т.ч. и в данном сообществе. Кроме того, когда мы оперируем понятиями, мы за ними очень часто не видим варианта социальной практики, и образовательной практики тоже. Ну, например, Татьяна в отношении коучинга жестко направлена. Я знаю в отношении коучинга нечто более широкое. Мы можем спорить друг с другом и не соглашаться, но дело в том, что у меня немножко другая привязка, моя карта относится немножко к другой территории, а названия вроде бы те же. Я хотел обратить на это внимание потому, что по ходу дальнейшего развития конференции мы по секциям будем расходиться, не все владеют языком СМД-методологии, приходится сверять понятия.

Евгений Сабуров: Первый тезис состоит в том, что развитие – это расширение порядка человеческого общения. В семье это микропорядок. Макропорядок – это отношения между людьми, не зависящими друг от друга. Расширение возможностей человеческого взаимодействия дает распределение возможностей человека получать удовольствие, быть более свободным, расширять свои возможности. В данном случае, знаменитая фраза «Свобода – мать порядка» очень правильная, она может получить продолжение «..., но и она тоже порядок». Расширение возможностей в результате расширения порядка дает нам большую свободу. Если ребята в результате взаимодействия сами вырабатывают правила своего общения, своего поведения и понимают разумность тех правил, которые есть, то это удача. Если им сообщают правила, то это провал, и мы это наблюдаем. Если вы думаете, что какой-то работодатель вам скажет какой человек ему нужен, работодатель вам скажет, что ему нужен человек, который будет крутить гайку на рабочем месте. Работодатель никогда не сформулирует ответ на этот вопрос, то что здесь говорилось о коучинге – это очень известная в экономике вещь. Работодатель тратит деньги и время на обучение профессии, которая не может быть использована в другом производстве. Деньги тратятся общественные. Это абсолютно нормально. И второй тезис: образование – это благо, которое вырабатывает сам человек, я еще раз повторяю, в результате социальных взаимодействий. Целенаправленная профессиональная помощь в получении образования, которую оказываете вы, имеет очень большую опасность. Опасность состоит в том, что вы ориентируетесь на известный результат, на вам известный порядок, вы планируете придуманный порядок, это очень опасная вещь. Я повторяю, что современная экономика противостоит этому. Хочу сказать от себя. Вы так набросились на телевидение! Я хочу сказать свою версию: позиция, которую занял руководитель вашего телевидения – это замечательная, в наших условиях, позиция.